

УДК: 81'34:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91

ДЕТЕРМИНАНТА ЯЗЫКА И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Е.Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

Статья посвящена рассмотрению понятия детерминанты, которое было открыто Г.П. Мельниковым. Показана продуктивность этого понятия для объяснения социофонетической и иконической фоновимологической сущности таких явлений, как сингармонизм, оканье, аканье.

Ключевые слова: русский язык, детерминанта, сингармонизм, аканье, оканье, сверхоканье

ВВЕДЕНИЕ

Все творчество Г.П. Мельникова обозреть трудно — настолько оно многогранно и разнообразно (есть и Мельников «под маской»: так, Г.П. Мельников подарил мне однажды автореферат своего вьетнамского аспиранта, в котором я угадал некоторые идеи самого Г.П. Мельникова). Конечно же, университет «созрел» для публикации полного собрания сочинений своего выдающегося профессора, которое может появиться в период между круглым и очень круглым (с двумя нулями) юбилеями.

Обратимся к рассмотрению одного из значительных открытий Г.П. Мельникова — внешней и внутренней детерминант языка, которые отражают в языке определенные черты общества (можно перефразировать старую максиму: скажи, какие детерминанты в языке, и я скажу, какое общество говорит на этом языке).

Проф. Л.Г. Зубкова в предисловии к книге Г.П. Мельникова «Системная типология языка» пишет: «В результате многолетних исследований Геннадием Прокопьевичем выделены четыре внутренние детерминанты как четыре главных коммуникативных ракурса и соответственно четыре внутренние формы, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков: обстановочная — инкорпорирующий тип, (качественно) признаковая — агглютинирующий тип, событийная — флективный тип, окказиональная — корнеизолирующий тип» [1. С. 13—14]. Фактически по этим основным детерминантам можно определить языковой тип мышления и даже в целом коммуникативный тип языкового сознания сообщества, говорящего на том или ином языке. Так, по типологии детерминант, разработанных Г.П. Мельниковым, русские мыслят событийно, если учитывать исконную и исторически первичную природу идиоэтнического мышления (в настоящую эпоху, когда мир, по выражению Маклюэна, превратился в «большую деревню», можно встретить и смешение таких типов, характерных для «граждан мира»).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЯЗЫКА

Проф. Г.М. Богомазов в статье «Русский тип языкового мышления и система русского письма» пишет, что Г.П. Мельников выделил в русском языке такие внутренние детерминанты:

1. Событийность, т.е. способность представлять разворачивающуюся ситуацию в виде события: аптека находится на углу, мы ее там находим, а значит — ищем, а значит — бодем, потому что простудились или что-то случилось и т.д. Все это похоже на название фильма и сам фильм, высказывание имеет глубокий пласт событий, стоящих за ним. Это как бы исторический пласт.

2. Предсказательность: «Для носителя русского языка всегда очень важно знать, какой новый элемент последует в звуковой цепи за данным элементом. особенно ...это свойство русского языка проявляется в синтаксисе, в частности, в активном использовании форм согласования и управления. ...Предсказательность проявляет себя ...и на уровне морфологии, лексики и фонетики как в устной, так и в письменной форме» [2. С. 17].

3. «Еще одно важное свойство современного русского литературного языка, которое связано с его событийностью, можно кратко охарактеризовать как „способность не экономить на материале“, т.е. тяготение к эксплицитности в языке», — Г.М. Богомазов иллюстрирует это свойство способностью языка при помощи огромного лексического многообразия выражать близкие идеи [2. С. 17]. Так, тексты научного содержания фактологических языков, такого как финский, английский и под., содержат в полтора раза меньше слов, чем их переводы на русский язык. Г.М. Богомазов приводит пример из финского языка, в котором глагол *leikata* соответствует нескольким русским глаголам — *отрезать, обрезать, разрезать, вырезать, перерезать, нарезать, срезать и еще раскраивать и выкраивать* (соотношение 9 к 1, кроме того, всем известно неразличение глаголов мыть и стирать в английском языке, которое для русских кажется невозможным, и мн. другие примеры).

Как нам представляется, событийность является основной внешней детерминантой русского языка, которая мотивирует функционирование таких языковых детерминант, как предсказательность и языковая материалоемкость (способность не экономить на языковом материале). Однако наряду с общими внешними детерминантами, как полагает Г.П. Мельников, существуют также и внутренние детерминанты. В единстве с внешней детерминантой внутренняя детерминанта оказывается глубоко диалектичной целносистемной характеристикой, учитывающей и те предрасположенности к связям и отношениям, которые вытекают из устойчивого имманентного свойства типологически сформировавшегося языка, и те его свойства и предрасположенности, которые возникают из «диспозиции» языка в сети отношений с объектами окружающей среды [3. С. 25].

Внутренняя детерминанта языка как его форма обуславливает свойства, единицы и отношения на всех уровнях, вплоть до фонетического, выявляя таким образом целносистемность языка, как считает автор этой идеи. Так становится возможным объяснить функциональные связи между семантическим своеобразием языка и теми особенностями условий общения в языковом коллективе, которые влекут за собой соответствующую модификацию функций языка.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры, которые могут служить доказательной базой для теории детерминант. Г.П. Мельников обнаружил внутреннюю детерминанту в урало-алтайских языках, которая связана с таким свойством, как коллекционность. Так, в «Системной типологии языков» он пишет: «Коллекционность словоформы при выборе средств выражения служебной информации и является детерминантой урало-алтайских языков. Конкретно эта детерминанта была сформулирована как „тенденция к экономии служебных морфем“ в словоформах агглютинативных языков» [3. С. 339]. При этом коллекционность понимается как отсутствие заготовленного заранее в языке полного перечня слов, образующего парадигму каждой лексемы. Противоположным принципом оказывается селекционный при наличии парадигм лексемы в языке, например, в русском. Именно коллекционность — это внутренняя детерминанта ур.-алт. языков и агглютинативных языков в целом, по мнению Г.П. Мельникова.

Рассматривая языки в целом в связи с количеством говорящих, Г.П. Мельников считает, что урало-алтайские языки и языки эргативного типа по мере нарастания говорящих способны перейти в язык, который соответствует событийному типу и развить агглютинативный строй, если добавится координата времени, т.е. связи поколений во времени посредством языка [3. С. 352].

Мы бы хотели заострить внимание на фрагменте рассуждений Г.П. Мельникова, связанном с гармонией гласных и явлением сингармонизма в связи с агглютинацией в урало-алтайских языках (гл. 7 его книги) [3]. В целом принцип сингармонизма описан в языкознании давно (его описал еще Бодуэн де Куртенэ), но Г.П. Мельников подтвердил его новыми данными, отметив, что в разных языковых ареалах это соотношение реализуется по-разному: в одних языках уподобление происходит по признаку ряда, в других — по признаку подъема, что становится основой для сингармонизма гласных в агглютинативных языках.

Как нам представляется, в данном направлении можно сделать следующий шаг и приблизиться вплотную к еще одной важной внутренней типологической детерминанте, которую можно назвать изобразительной, иконической детерминантой того или иного языка, и связать ее с функционированием фонетической системы гласных.

Так, сама идея сингармонизма, сама по себе понятная и простая, может показаться явлением, просто реализующим принцип подобия в языке, поскольку уподобление гласных в произносительном плане снижает «трудозатраты» на восприятие звуков в потоке речи. Но если бы это было так просто, то мы скорее всего имели бы дело с сингармонизмом как общеязыковой универсалией, к которой в разной степени стремились бы все или очень многие языки мира. Однако так не происходит, следовательно, сингармонизм представляет собой более сложное по своей сути явление.

Выдвинем предположение (в духе идей Г.П. Мельникова), что сингармонизм не может возникнуть просто так и из ничего, — он обязательно (и скорее всего в фоносимволическом плане) символизирует некую черту реальной жизни языкового сообщества. Итак, мы говорим о сингармонизме, если гласные служебных морфем в рамках фонетического слова уподобляются гласным, которые находятся

в корневой части слова, напр., в венгерском языке *ablak-hoz* ‘к окну’, *cipész-hez* ‘к сапожнику’, *küszöb-höz* ‘к порогу’; вокализм показателя аллатива -hVz (формы с пространственным значением прближения) зависит от вокализма корня [передний — задний (-hoz/-hez), лабиальный — нелабиальный (-hez/-höz) [4]. Чем же может быть обусловлена эта внутренняя детерминанта урало-алтайских языков? Мы осмелимся предположить, что эта детерминанта заимствована из жизни той эпохи в развитии языка, в которую эта черта складывалась и затем длительное время сосуществовала в языке и жизни языкового коллектива, объем которого был весьма значим, как это было установлено Г.П. Мельниковым.

Что же это за черта небольшого по объему социума и языка? Ответ прост: это уподобление служебной части общества его руководящей вершине по какой-либо качественной черте-характеристике, например, по одежде, по манере говорить, по согласию с мнением и т.д. И уподобление в плане согласия во мнении, когда подчиненный всегда и безоговорочно принимает мнение начальства, в фонетической структуре звучащего слова может символизироваться, вероятнее всего, в такой фоносимволической черте иконического характера, как сингармонический повтор. В таком случае данную сингармоническую черту следует понимать как фоносимволическое отображение жизненной реалии, которая как бы подчеркивает, что в сообществе, говорящим на общем языке, простые члены всегда согласны и с мнением руководства сообщества, с его решениями и т.д. Именно поэтому в таких языках звуковой облик корневой части слова требует фоносимволического согласования со звуками аффикса, как и в жизни клан начальствующих требует подчинения масс неким директивам и принципам поведения, декларируемым верхами как обязательное и правильное. Таким образом, сингармонизм как языковое явление обусловлен жесткой вертикалью управления таким языковым обществом на протяжении очень длительного времени (во многих языковых социумах такой образ жизни сохраняется до сих пор). Здесь важно подчеркнуть, что такой уклад жизни признается единственно возможным и рациональным в таком социуме, коль скоро этот уклад повторяется, фоносимволически дублируется даже в языке. И говорящий в звучащей форме подчеркивает некую идею согласия с другими людьми и вышестоящими и власть предержавшими, выраженную в феномене фоносимволического сингармонизма. Этот уклад может корректироваться с учетом веры в доброго или злого царя, бунта и свержения злого царя, но сам по себе опирается на священную ипостась правящей власти, на которую невозможно посягнуть, т.к. она является священной основой жизни и жизнеспособности данного социума, сводящегося к максиме — «каков хан, такова и орда». И такая внешняя детерминанта, наряду с детерминантой пространства и времени, а также объема языкового коллектива и межпоколенческой передачи информации в языковой форме, выделенных Г.П. Мельниковым в «Системной типологии языков», вполне имеет право на существование в виде гипотезы, объясняющей происхождение сингармонизма как фоносимволического социофонетического явления. Мы понимаем относительность столь прямо проведенной параллели, однако факты взаимной зависимости жизни языка и жизни общества, установленные Г.П. Мельниковым и действительно содержащиеся в жизни общества и его языке, позволяют проводить их.

АКАНЬЕ И ОКАНЬЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мы пойдем дальше по такому пути к анализу некоторых фонетических особенностей русского языка, не обладающего сингармонизмом, но имеющего не менее заметные социофонетические явления, которые также могут быть обусловлены внешними детерминантами социального плана.

Итак, мировидение, согласно В. фон Гумбольдту и его последователям, к которым с полным правом можно отнести Г.П. Мельникова, предполагает рассмотрение мира через призму языка. Нашему рассмотрению будут подвергнуты два ярчайших явления в фонетико-орфоэпической сфере русского языка — аканье и оканье, включая гипероканье (произношение типа *норот*, *сказал*, *токой*, и т.д., существующее в севернорусских говорах), которые можно связать с некими внешними детерминантами в русском языке и мышлении, даже и в менталитете в целом.

Исторически в русском языке, как известно, изначально существовало оканье как раздельное произнесение звуков *a* и *o* в соответствии с фонемами *a* и *o*. Такое оканье и по сей день очень распространено в виде полного оканья на Севере русской равнины и в Сибири, а также в виде умеренного неполного оканья в среднерусском ареале ([4] и мн. другие). Аканье — это явление позднее, возникшее в 12 веке и медленно распространившееся на территориях южнорусского ареала, при этом вопрос о фонологической природе аканья остается открытым до сих пор. Таким образом, возникла новая оппозиция фонетических явлений, — аканья и оканья, причем это противопоставление и поныне существует в русском общенародном языке (однако русский литературный язык принял аканье в качестве орфоэпической нормы). Дело осложняется еще и усилением позиции оканья за счет явления гипероканья в севернорусских и сибирских говорах, но по сути это явление упомянутую оппозицию не меняет, усиливая лишь позиции одной из сторон.

В качестве предварительной гипотезы примем, что эта оппозиция опирается на глубинные ментальные представления русского народа, которые существуют и хорошо осознаются и по сей день. Другими словами, нам необходимо выявить в русском менталитете некую внутреннюю детерминанту, которая (или которые) также иконически обуславливает оканье как древнейшую и исходную орфоэпическую черту вокализма русского языка. И такую внутреннюю детерминанту найти вполне возможно. Так, оканье, включая гипероканье, формирует некую о-детерминанту в лингвоментальной глубинной структуре русского миропонимания, и эта черта иконически связана с идеей круга, общности, объединения людей одного языка и культуры. Это проявляется в том, что в звучащей речи начинает доминировать звук *o*, который и физически при помощи округления губ иконически и фоносимволически становится мотивированным знаком русского менталитета и языка. И такая сугубо фонетическая и артикуляционная черта иконически символизирует и материализует в речи идею объединения, — а это важнейший концептуальный пункт менталитета русского народа, основа его существования. При этом особо подчеркнем, что такая идея локализована как особо выраженная

на Севере, в северорусских говорах и в Сибири, т.е. характерна для русских, живущих в особо трудных природных условиях долгой зимы, короткого лета, трудностей с выращиванием продуктов питания и т.д., где без общины не выжить. И в этом случае индивидуальное выживание и хуторская система землепользования скорее просто невозможна, единственным способом выживания в таких условиях оказывается община, общность людей, круг.

Совсем иные условия жизни создаются в южной части России, где черноземы обеспечивают плодородие, где также более мягкий климат с возможностью выращивания большего разнообразия продуктов питания. В данной социально-хозяйственной ситуации роль общины снижается, возникает некая индивидуалистическая ментальность в коллективном бессознательном русского социума этого ареала, и это отражается в языке — в таких областях русской равнины возникало и распространялось аканье, включая московский ареал, на базе которого сформировался литературный язык.

Пройдя длительный путь эволюции, именно эта фонетическая черта закрепились в послепушкинскую эпоху и в литературном языке, и это завершило цикл развития русского языка, начатый преобразованиями Петра и европеизацией элиты России. В ту эпоху существования русского языка возникла парадоксальная ситуация, когда элита придерживалась акающей нормы в городах и столицах, народный язык тяготел к окающей норме, кроме южных регионов России.

ВЫВОД

В результате мы приходим к выводу, что **о**-доминанта и **а**-доминанта выражают в русской фонетико-орфоэпической структуре речи две разные философии жизни — общинную и индивидуальную. Закончим же мы свое рассуждение тем, что борьба этих тенденций в русском языке, ментальности и социуме не завершена.

© Киров Е.Ф.

Дата поступления: 09.10.2018

Дата приема в печать: 18.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. и предисл. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
2. *Богомазов Г.П.* Трифонова Ю.А. Русский тип языкового мышления и система русского письма // Система языка и языковой мышление / Отв. ред. Е.Ф. Киров. М.: URSS, 2009. С. 16—24.
3. *Киров Е.Ф.* Культура русской звучащей речи: традиции и современность. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004.
4. *Русская диалектология* / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005.
5. *БСЭ*: Большая советская энциклопедия. В 65 тт. М.: Советская энциклопедия, 1970.

УДК: 81'34:00

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91

THE DETERMINANT OF LANGUAGE AND PHONETIC PHENOMENA

E.F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute
6, Volgina str. Moscow, Russia, 117485

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of language determinant, which was developed by Prof. G.P. Mel'nikov. The productivity of this concept is shown to explain the socio-phonetic and iconic phonosymbolic nature of such phenomena as vocalic harmony — *okanje* as overusing vowel sound **O** and *akanje* as overusing vowel sound **A**.

Key words: Russian language, determinant, vocalic harmony, *akanje*, *okanje*, *overokanje*

REFERENCES

1. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages: Principles, methods, models, ed. and introductory note by L.G. Zubkova. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Bogomazov, G.P. & Trifonova, Y.A. (2009). Russian type of linguistic thought and the system of Russian writing In *Language system and linguistic thought*, E.F. Kirov (Ed.). Moscow: URSS. pp. 16—24. (In Russ.).
3. Kirov, E.F. (2004). Culture of the Russian sound speech: tradition and modernity. Moscow: IRYA n.a. V.V. Vinogradova RAN. (In Russ.).
4. *Russkaya dialektologiya* (2005), L.L. Kasatkin (Ed.). Moscow: Akademia. (In Russ.).
5. BSE (1970). Great Soviet Encyclopedia. 65 vv. Moscow: Sovetskaya entsiklopedia. (In Russ.).

Для цитирования:

Киров Е.Ф. Детерминанта языка и фонетические явления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 85—91. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91.

For citation:

Kirov, E.F. (2019). The determinant of language and phonetic phenomena. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 85—91. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91.

Сведения об авторе:

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: фонетика, фонология, грамматика, фразеология, стилистика русского языка, общая теория языкознания, концептосфера русской ментальности, философия языка; *e-mail*: evg-kirov@mail.ru.

Information about the author:

Evgenij F. Kirov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Institute of Russian Language (GIRY); *research interests*: phonetics, phonology, grammar, phraseology, stylistics of the Russian language, general theory of linguistics, concept sphere of the Russian mentality, language philosophy; *e-mail*: evg-kirov@mail.ru.